

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 5

2009

**Генрих Кутдусович Садретдинов
в Томском университете**

В самом начале 1960-х гг. после прохождения докторантуры в Институте истории АН СССР, блестящей защиты диссертации и недолгого пребывания в Казанском университете в Томск вернулся А.И. Данилов уже в качестве ректора университета. Вскоре после его приезда историко-филологический факультет пережил, как мы тогда шутили, «татарское нашествие». Вслед за своим учителем из Казани в Томск приехало несколько его талантливых учеников, которым в недалеком будущем было суждено стать костяком создававшейся Александром Ивановичем томской историографической школы. За буквально единичным исключением, все они впоследствии стали крупными учеными, сделали себе имя в науке и университетском образовании. Каждый из них является яркой индивидуальностью и, разумеется, заслуживает отдельного разговора.

В этой плеяде своё неповторимое место занимал Генрих Кутдусович Садретдинов. Насколько я помню, он первым за своим учителем, уже в апреле 1961 г. приехал в Томск и сразу же включился в бурную жизнь историко-филологического факультета. Начинал он, как и многие другие выросшие на факультете ученые, с «лаборантуры». К сожалению, этот период прошел мимо внимания авторов содержательной статьи, посвященной 60-летию Г.К. Садретдинова, его учеников А.В. Якуба и А.В. Свешникова (см.: Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2000). Они пишут о приезде Генриха в Томск в 1961 г. и затем о поступлении его в аспирантуру в 1966 г. А что было в промежутке? Между тем это было время формирования научных интересов будущего ученого и его первых удачных опытов на этой стезе и, что ещё важнее, становления его яркой личности.

Свои «томские университеты» Генрих начинал с должности старшего лаборанта кафедры всеобщей истории, которую возглав-

лял А.И. Данилов, а я был его заместителем, занимавшимся её повседневными делами. Поэтому раньше, чем с другими учениками Александра Ивановича, я сблизился с Генрихом, разглядел его личностные черты. Самая запомнившаяся из них – состояние внутренней свободы, сопряженной с органически присущим ему чувством своего достоинства, что позволяло на равных общаться и даже иронизировать над сильными факультетского мира.

Забегая вперед, замечу, что он мог «держать удар» даже своего безгранично почитаемого научного руководителя. Могу судить об этом потому, что мне довелось быть модератором на заключительных фазах работы Г.К. над кандидатской диссертацией, когда возникла определенная напряженность в отношениях учителя и ученика, сказавшаяся на сроках её окончания. К счастью, всё окончилось благополучно, и научное сообщество обрело в лице Садретдинова талантливого исследователя, чей вклад в медиевистику точно очерчен в упоминавшейся статье А.В. Якуба и А.В. Свешникова.

Но вернусь к лаборантскому периоду томской жизни Генриха, который выявил ещё одну яркую черту его незаурядной личности: пронизанную доброжелательностью открытость окружающему миру. Эта черта помогла ему быстрее и легче, чем остальным «казанцам», адаптироваться к новой среде обитания. За считанные годы Генрих становится любимцем факультета. Так, просто по имени, называли его все – преподаватели, технические сотрудники факультета, студенты. Так буду называть его в этих заметках и я. Это не фамильярничание, а, как и у всех, дань глубокого уважения и восхищения этой замечательной личностью. Генрих быстро обзавелся друзьями за пределами факультета. Но центром притяжения для него всегда оставался факультет, тогда ещё историко-филологический. Там он встретил и свою Галю, которую так нежно и трогательно любил.

Следующей яркой вехой томского периода жизни и работы Генриха стала его преподавательская деятельность. В 1969 г. он становится ассистентом, позднее – старшим преподавателем кафедры всеобщей истории. В отличие от распространенной практики, когда кафедра «затыкает» молодыми преподавателями «дыры» в учебном процессе и им достаются курсы, подчас весьма

далекие от их научных интересов, у Генриха сложилось всё как нельзя лучше. Его учебную нагрузку целиком составляла первая, особо любимая им часть курса истории средних веков (лекции на стационаре и ОЗО, практические занятия, контрольные и курсовые работы и т. п.).

К тому времени на кафедре сложилась устойчивая традиция преподавания этого курса, у истоков которой стоял молодой тогда доцент А.И. Данилов. Курс вызывал неизменный интерес у студентов. Стало престижным, хотя это всегда было трудно, специализироваться по истории средних веков. Садретдинов сумел не только сохранить эту планку, но и внести в преподавание курса неповторимое обаяние своей личности. Это был не просто авторский, а исследовательский курс, отвечавший всем требованиям тогдашней медиевистики и обогащенный собственными исследованиями Г.К. по ключевым проблемам раннего западноевропейского средневековья. На большом фактическом материале он раскрывал объективные закономерности становления и развития европейского феодализма. Но само изложение этого материала, его интерпретация не являлись стерильно объективными, неся на себе выраженную печать авторской субъективности.

Эта последняя выражалась, в частности, в заметном «французском прононсе» в изображении силовых полей становления западной цивилизации. Замечу, кстати, что Генрих больше, чем кто-либо из своих предшественников по кафедре, уделял внимание цивилизационным аспектам жизни средневекового общества, предвосхищая таким образом современные концепции феодализма. В этом заключалось «ноу хау» лектора, вносящего дополнительные краски в традиционную марксистскую трактовку Средневековья. Если к этому прибавить прекрасный русский литературный язык, яркую образность, иронию и самоиронию, знаменитые «отвлечения» от темы лекции, демонстрировавшие изумительное знание русской классической и советской литературы и с блеском, порой неожиданно для своих слушателей, умение его использовать гроздьями сыпавшиеся и надолго запоминавшиеся афоризмы, то читатели этих заметок, даже не знавшие Генриха, легко поймут, почему его преподавание явилось знаковым в университетской жизни, а сам он, без преувеличения, стал любимцем

студентов, каковым и был вплоть до своего отъезда в 1975 г. в Омский университет.

Впрочем, после этого отъезда связи Генриха с Томском отнюдь не прекратились. Просто они приняли иной характер: связей между историческими факультетами двух университетов – Томского и Омского. Благодаря его кипучей энергии окрепли и умножились научные контакты между ними. Формы их многообразны. Это и подготовка научных кадров для Омского университета, и участие в совместных научно-образовательных проектах и изданиях, многочисленные и разнообразные консультации и т. п. Для Генриха Томск навсегда остался местом душевного притяжения. Здесь радушно, со свойственным его широкой натуре хлебосольством, он принимал своих томских друзей. На этих застольях не спешно обсуждались назревавшие вопросы взаимоотношений между нашими университетами, намечались ключевые линии дальнейшего сотрудничества. Каждый раз это были разные вопросы. Неизменной оставалась ностальгия по томским временам. Едва ли находился какой-либо эпизод из них, который бы не становился предметом оживленного обсуждения. Постепенно его многочисленные поездки в наш город приобрели выраженные ритуальные черты. Обычно он приезжал с большой свитой, останавливался с ней в университетской гостинице. Она готовила стол, с каждым разом становившийся все обильнее. В центре застолья вальяжно восседал Генрих, буквально купавшийся в лучах всеобщего обожания.

Позднее начались проблемы с его здоровьем. Как признавался мне Генрих, он не хотел появляться в Томске с палочкой из-за больной ноги. Он решился на операцию, чтобы потом уже здоровым приехать в Томск, тем более что осенью намечалась защита в нашем Совете докторской диссертации его любимого ученика. Операция как будто прошла благополучно. Но пришла горестная весть о другой, страшной болезни. Человек по натуре жизнерадостный, обладающий сильной волей, Генрих мужественно боролся с болезнью. Временами до нас доходили обнадеживающие вести. Но чуда не произошло...

Эти заметки являются очень личностными и, конечно, не претендуют на всестороннее освещение заявленной в их заголовке

темы. Генрих был яркой личностью, занимавшей активную жизненную позицию. Одним она могла нравиться больше, другим – меньше. Как у всякого живого человека, у Генриха были свои недостатки и слабости, но я меньше всего хотел уравновесить за их счет общую картину. Цель моя заключалась в том, чтобы выразить восхищение этим метеором, озарившим томский звездный научный небосклон выдающейся личностью, и – неизбежную мучительную боль по поводу кончины Генриха Кутдусовича Садретдинова.